

КАССАНДРА ЛЭЙТО

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кассандра Лэйтс

Неизбежность

<https://litres.ru/74643879>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я думала, что в свои девятнадцать лет знаю, что такое ненависть. Я выросла среди руин и пепла, среди памяти о погибших. Но я не знала, что ненависть может быть такой... близкой.

Диамант, герцог Валентайн, правитель Колтрейна и глава Инквизиции, не просто враг. Он — чума, которую я выпустила в свою кровь. Он пытал меня. Он насиловал меня. И стал любовью всей моей жизни.

Предупреждение: сцены насилия, описания пыток и казней, морального и физического принуждения к сексуальным действиям. Присутствуют сцены табакокурения и употребления алкоголя, а так же мат. Откровенные BDSM сцены. Читайте с осторожностью.

Содержание

Глава 1. Две Стороны Реки.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Кассандра Лэйтс

Неизбежность

Глава 1. Две Стороны Реки.

«В старом городе шептались. В новом — смеялись. И никто не знал, что станет искрой».

Сильвана

1

Я открыла глаза в тишине.

Не в той, что бывает перед рассветом, когда дом ещё спит, но уже слышно, как внизу на кухне осторожно двигают чугунок, как скрипит половица под тёплой сонной ступнёй. Не в той, что пахнет печным дымом и парным молоком.

Эта была другой. Плотной. Стоячей. Она лежала в комнате, как холодная вода в колодце, и давила на барабанные перепонки. Дом затаился, будто человек, который боится, что его услышат.

Я замерла и прислушалась.

Ничего.

Только занавеска у окна шевелилась — медленно, неровно, словно кто-то невидимый трогал её кончиками пальцев. Ткань вздымалась и опадала, и в этом движении оставалось

единственное доказательство того, что за стенами всё ещё дует ветер. Что мир не умер окончательно.

А потом ветер принёс запах.

Запах вошёл в комнату не тонкой струйкой, а целой волной — густой, сладкой, почти осязаемой. Так пахнут цветущие яблони в мае, когда лепестки уже осыпаются, а воздух становится похож на разбавленный водой персиковый сок. Так пахнет свежескошенная трава, когда коса проходит сквозь неё и зелень кричит, истекая соком.

Я не помнила, когда в последний раз чувствовала это.

За долгие недели в лесах, ночёвки в сырых подвалах, все те часы, когда единственными запахами были прелая листва, дым и чужой страх, я успела забыть, что мир может пахнуть жизнью.

Этот аромат ударил в ноздри.

И время треснуло.

— Ти-и-ише ты, коза! — горячий шёпот обжёг ухо. Ладонка сестры легла на мой рот. Мокрая от смеха. Пахла вишней. — Мама уже на «семи»! Сейчас сюда пойдёт!

Я укусила её за пальцы.

Она взвизгнула — тихо, сдавленно, как котёнок, которому наступили на хвост. Мы обе замерли, вжавшись в колючий куст. Ветки впивались в локти. По коже ползло что-то тёплое — не то царапина, не то капля пота. Нам было всё равно.

С крыльца долетел голос матери:

— Де-е-евять...

Она тянула это слово, как тянут мёд из банки, — медленно, с наслаждением, с улыбкой, которую я не видела, но знала, что она есть. В этом растянутом «девять» заключалось всё наше детство. Весь его неторопливый, правильный ритм. Весь мир, который тогда казался вечным.

А потом — взрыв.

Визг, топот, две пары босых ног несутся через клумбы, ломая стебли, разбрасывая тёплую землю. Мы знали, что влетит. Знали, что мать потом будет ругаться, отряхивать нас, а отец — делать вид, что сердится, хотя в глазах у него пляшут смешинки. Но сейчас это не имело значения.

Мы упали в траву.

И хохотали до икоты.

До слёз.

До рези в животе, до судорожных всхлипов, когда лёгкие уже не успевают за сердцем. Смех рвался из меня, как река из берегов, — дикий, пьяный, счастливый. Помню, Лия держалась за живот и повторяла: «Не могу, не могу, умираю...»

А потом трава под ладонями стала холодной.

Я не сразу поняла, что изменилось. Просто в какой-то момент смех Лии — звонкий, взхлёб — начал затихать. Не резко. Как будто кто-то медленно убавлял звук. Я повернула голову — и увидела, что её лицо бледнеет. Веснушки на переносице проступили резче. Глаза — широко раскрытые, тёмные — смотрели не на меня. Мимо.

Я проследила за её взглядом.

Над яблонями, над клумбами, над крышей дома, где мать развешивала сушиться мяту, — небо было не голубым. Оно было чёрным. Плотным, как дёготь. И в этой черноте медленно проступал контур. Тонкий. Длинный. Как лезвие.

Видение дрогнуло и рассыпалось.

Я бежала по каменной дорожке, нагретой солнцем. Босиком, раскинув руки, и ступни горели от жара. Впереди стоял отец. Спинай ко мне. В этой спине, обтянутой льняным сюртуком, было столько надёжности, что хватало на весь мир. На все мои страхи. На все «а вдруг», которые ещё не успели во мне родиться.

Он обернулся.

И я прыгнула.

Не добежав. Не дождавшись. Прыгнула в полной уверенности, что он поймает. И он поймал. Подхватил меня, вскинул над головой, и я взлетела.

— Ну что, птица? Высоко летаешь?

Небо качнулось надо мной. Голубое. Огромное. Бесконечное.

А потом из-за его плеча я увидела лес.

Он стоял стеной — чёрный, мокрый, чужой. И в этой стене, между стволами, что-то двигалось. Медленно. Терпеливо. Как будто ждало, когда я наконец посмотрю.

Я не успела разглядеть.

Видение истаяло.

Я сидела на постели. Ладонь лежала на груди, под рёбра-

ми. Там тлеет тёплый уголёк. Присыпанный пеплом. Он грел — но не освещал. Не давал тепла — только напоминал, что когда-то был огонь.

Горло сжало. Ком встал где-то между ключицами, тяжёлый, сухой. Я дышала через нос. Медленно. Считая вдохи, как учил отец: «Раз. Два. Три. Держи. Выдох». Помогало не всегда. Но помогало.

Я сбросила одеяло, подставила лицо свету.

Рассвет уже просочился в комнату. Он был странным — не золотым, не розовым, а полупрозрачным, влажным, будто саму ночь разбавили водой, в которую капнули сок спелого персика. Свет без тепла. Свет-призрак.

Ставни резали его на полосы, и по моим щекам бежали золотые реки. Красиво. Но красота эта ранила.

Платиновые волосы рассыпались по плечам. Тяжёлые. Скользкие, как мокрый шёлк. В детстве я ненавидела расчёсываться. Мать битый час разбирала колтуны, а я вертелась, ныла, дёргалась. Теперь коса стала привычкой. В дороге распущенные пряди — непозволительная роскошь. В них можно запутаться. С ними можно не услышать, как сзади хрустнула ветка.

Но сейчас, в этой краткой передышке, я позволила им лежать свободно.

Маленькое послабление.

Знак того, что я ещё не до конца превратилась в воина.

Я покосилась на отражение в мутноватом зеркале напро-

тив.

Глаза.

Зелёные. Но какого-то холодного, прозрачного оттенка. Без искры. Без дна. Так смотришь в воду лесного озера слишком долго — и перестаёшь различать, где заканчивается вода и начинается тьма.

Во взгляде была решимость. Но где-то за ней, в самой глубине, ещё колыхалась тень сна.

Мне снился луг.

Жёлтая бабочка. Бег без цели.

В этом сне на поясе не было меча.

Не надо было помнить пароли и явки.

И — главное — никто не умер.

Три «не». Три стены, отгородившие меня от той девочки, которой я была.

На тумбочке стоял кувшин. Глиняный, кривобокий, с выдавленным узором из ромашек. Не идеальный. Но мамин.

Я взяла его в ладони.

Глина ответила сухим теплом. Может быть, мне только казалось, что она до сих пор хранит прикосновения материнских пальцев. Может быть. Но я всё равно прижала его крепче.

Умылась.

Вода холодила кожу. Я растирала её по лицу, по шее, по ключицам, по затылку. Капли стекали за ворот рубахи, оставляя мокрые дорожки. Но тоска, застрявшая где-то меж-

ду сердцем и горлом, не смывалась.

Я подошла к зеркалу вплотную.

Рама была тёмной, источенной жучком. Пахла старым лаком и временем. Из глубины стекла на меня смотрела девушка.

Или уже женщина?

Я не знала, где проходит граница.

Скулы заострились. Под глазами легли серые полумесяцы — следы бессонных ночей и решений, которые нельзя изменить. Я всматривалась в это лицо и искала ту Сильвану, что плела венки из одуванчиков и верила, будто мир устроен правильно.

Я искала её.

И не нашла.

Её там не было.

Как не было больше и Колтрейна — того, каким я его запомнила.

Я бросила взгляд в окно.

Осколки вывески пекарни ржавели у ворот. На соседнем подоконнике торчали прутья мёртвых цветов. По каменной кладке напротив ползли чёрные языки копоти. Следы пожара. Следы войны.

Когда-то здесь пахло хлебом. Печным дымом. Мятой, которую мать развешивала сушиться на кухне. Дети слуг носились у ручья, строили запруды из глины. Осенью к усадьбе съезжались телеги, и торговля шла до темноты. Жизнь ки-

пела.

Теперь флигеля смотрели заколоченными окнами, как пустые глазницы.

А воздух звенел.

Натянутый, как тетива перед спуском.

Это была не тишина покоя, а тишина угрозы. Та, что предшествует выстрелу.

Я коснулась рамы кончиками пальцев.

Нежно. Почти с любовью. Но не к себе — к тому, что осталось за стеклом.

— Ты не та, — сказала я тихо. — И это не дом. Это эхо.

Слова упали в тишину и не разбились.

«Ты не та» — отказ от прежней себя. Признание того, что девочка с одуванчиками мертва.

«Это не дом» — отказ от места как источника опоры. Признание того, что стены больше не защищают.

«Это эхо» — самое горькое. Вокруг не было ни небытия, ни пустоты. Только эхо. Звук того, что уже отзвучало.

Но мысль эта была ясной.

И именно в этой ясности родилось что-то новое. В груди прорезалось чувство — холодное, острое, но своё. Не детская надежда. Взрослое упрямство.

Упрямство идти, даже если путь лежит по осколкам.

Я выдохнула.

Хватит воспоминаний.

Пора.

Я села на край кровати. Собрала волосы в тугую косу. Пальцы двигались сами — привычное движение, отработанное до автоматизма. Затылок натянуло, кожа на висках запыла — приятно, отрезвляюще.

Лента.

Выцветшая алая.

Лиина.

Я стянула косу и замерла на секунду, прижав ладонь к затылку.

— Готово! Теперь ты у меня привязанная, никуда не денешься!

Её голос ударил откуда-то изнутри. Короткая вспышка. Лия стоит сзади, дёргает меня за пряди, хохочет. Я вижу её лицо — веснушки на переносице, прилипший к виску рыжий локон.

Тогда я фыркала и вырывалась.

Теперь носила эту нить добровольно.

То, что в детстве было игрой, стало ритуалом. То, что было оковами, стало связью.

Я поднялась.

Одевалась молча и быстро. Тело помнило каждое движение лучше головы. Автоматизм, выработанный неделями скитаний.

Холщовые штаны — мягкие, разношенные, не скрипящие на ходу. Льняная рубаша свободно скользнула по плечам, рукава до запястий. Кожаный пояс — два оборота — затянул-

ся на талии. Ножны с коротким клинком привычно легли на бедро. Плащ — бурый, в разводах, цвета прелой листвы — накинула поверх, капюшон пока отбросила на спину.

В такой одежде лес принимал меня за свою.

Шаг в сторону — и я тень среди теней.

В левый нагрудный карман легла карта. Тонкая бумага, помеченная уголками убежищ и безопасными бродами. Цель. Маршрут. Надежда, что где-то ещё есть безопасные места.

В правый карман — мешочек с травами. Ромашка — если накатит дурное. Подорожник — на случай пореза. Зверобой — чтоб не сломаться.

Я выпрямилась. Провела ладонями по груди, по поясу, проверила, всё ли на месте. Тело отозвалось привычной готовностью. Мышцы напряглись. Сердце стучало ровно.

Я была готова.

И всё же, прежде чем выйти, я ещё раз взглянула в зеркало.

Из темноты на меня смотрела незнакомка с зелёными, прозрачными, как лесное озеро, глазами.

Я ей почти поверила.

А тем временем — далеко, за лесом, за рекой, в другой части Колтрейна, где неон резал темноту, а стекло не знало трещин, — кто-то поставил бокал на стол. Абсент качнулся. Зелёный. Ядовитый.

И этот кто-то улыбнулся.

Тед возник на пороге бесшумно.

Не вошёл — просочился сквозь полумрак, как просачивается в комнату холодный утренний воздух, когда открывают дверь. Взлохмаченный. Тёплый со сна. В мятой льняной рубашке, с красной полосой на плече — следом от жёсткого матраса. Босые ступни на прохладных досках пола.

Замер в дверном проёме и не сразу посмотрел на меня.

Сначала — прислушался.

Я знала эту его привычку. Сначала слушать, потом говорить. Сначала впустить в себя звуки дома, убедиться, что всё на месте, что ничто не треснуло, не сломалось, не умерло за ночь. Старые часы в углу щёлкали, откусывая от тишины секунду за секундой. За окном ветер шуршал, перебирая листья. В камине угли вздыхали, оседая в золу.

Он слушал дом.

И, кажется, только потом позволил себе посмотреть на меня.

Ему двадцать пять. Высокий, с той собранной статью, которая идёт не от позы, а от привычки держать спину там, где другие гнутся. Русые волосы падали на лоб. Он машинально загрёб их пятернёй назад, и они встали торчком, смягчая жёсткую линию челюсти. Три дня без бритья. Светлая щетина на скулах.

Но глаза...

Светло-серые, почти металлические, когда он злился или

боялся. Сейчас они смотрели иначе.

Я услышала его дыхание раньше, чем обернулась. И оборачиваться не пришлось — я и так знала, что это он.

Просто кивнула: заходи.

В этом кивке уместилось всё, на что у нас не было времени. «Ты — мой». «Держись». «Я вернусь». Три фразы, которые не будут произнесены вслух. Но он услышал.

Тед шагнул в комнату.

Медленно. Слишком медленно для человека, который только что поднялся с постели. Он не приближался ко мне. Он приближался к тому, чтобы начать разговор. А это куда труднее.

Остановился в шаге.

Не тронул. Не схватил за плечи. Сохранил дистанцию, которую мы оба держали как клятву: уважать путь друг друга, даже если путь уводит прочь.

— Ты уже... — начал он.

И осёкся.

Губы сжались. Слово «готова» встало поперёк горла. Он выдохнул и произнёс глухо, с хрипотцой:

— Ужеходишь.

Это не было вопросом. Констатация. Горечь, облечённая в форму утверждения.

Я затягивала шнурок на запястье. Пальцы не слушались. Я дёрнула сильнее, чем нужно, и узел вышел тугим, почти злым.

— Нужно успеть до полудня. В городе ждут. Лекарств нет, а дети...

Я не договорила.

Он и не нуждался в окончаниях. Он знал, что я делаю. И знал, почему я должна идти.

— Отец знает? — спросил он тихо.

Вот оно. Вопрос, который он не задавал вслух до последнего.

— Знает, что иду. Не знает — куда.

Тед закрыл глаза. На секунду. Долгую, как вдох перед прыжком.

— Я хотел бы с тобой, — сказал он. Почти про себя.

Он не просил. Не требовал. Просто положил передо мной эту правду, как кладут ключ на стол: вот, решай.

Я ответила мягко, но без зазора для спора:

— Нельзя. Ты нужен здесь. Кто-то должен ждать. Кто-то должен...

Мой взгляд метнулся по комнате.

Старое платье на спинке стула. Ещё пахнущее лавандой из нашего сада. Книга на подоконнике — раскрытая, с закладками из сухих цветов, собранных прошлым летом. Эти вещи тоже требовали защиты. Не меньше, чем те, кто ждал меня за воротами.

Я попыталась снять тяжесть. Улыбка вышла короткой, кривоватой:

— Вдвоём больше шансов нарваться на патруль. Особен-

но после того, как Инквизиция перетряхнула дом кузнеца. Слышал?

Он слышал. Кивнул, признавая. Взгляд снова упал на запястье.

На кожаный шнурок с кусочком янтаря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.